

ОБРАЗ МУЖА-ВОИНА В КАБАРИИ-УГРИИ-РУСИ¹**© М.В. Горелик**

Россия, Москва, Институт востоковедения РАН

Последние века I тыс. н.э. для материальной и художественной культуры южной части Восточной Европы характеризуются исключительным многообразием и сложностью проявлений. Многие ее явления уже давно и по сию пору вызывают неутраченные споры, причем эти спорные культурные явления являются, как правило, наиболее яркими, определяющими и вместе с тем противоречивыми для культурного контекста региона. И это при том, что этнокультурная ситуация в регионе представляется сравнительно определенной. А потому все сложности объясняются: 1) полиэтничностью населения и государственных образований; 2) широкой международной торговлей (Великий Шелковый путь, Великий Волжский путь, Путь из варяг в греки и т.д.); 3) процессом сложения Древнерусского государства и его борьбой с Хазарским каганатом за овладение позицией хозяина пересечений торговых путей.

Все это, в принципе, совершенно верно объясняет макрополитическую возможность появления вышеупомянутых культурных феноменов, но отнюдь не проясняет конкретные причины появления каждого из них. На подобной концептуальной базе о каждом из «странных» культурных феноменов можно спорить до бесконечности. Что же это за феномены? Перечислим их: сабля из Венского Художественно-исторического музея – т.н. сабля Карла Великого; «примыкающие» к ней сабли и палаш из раскопок могильника Колосовка 1 в Адыгее (Майкопский музей); «золотые» шлемы, многие из которых с «трезубцем» на лбу, известные из находок в Среднем Поднепровье, Польше, Венгрии; оковки ритуальных турьих рогов из кургана Черная могила в Чернигове (ГИМ); поясная гарнитура и Металлический декор поясных сумок-кошелей из погребений Среднего Поднепровья. То есть, это в основном те предметы, которые определяли собой образ мужа-воина – основной фигуры общества в рассматриваемом реги-

оне. Образ этот формировался костюмом, прической, аксессуарами, вооружением.

Все эти элементы были сравнительно единообразны в VI–XI вв. на всем протяжении гигантских пространств Евразии от Амура и Великой стены до вод Дуная и гор Гиндукуша. Эта эпоха в рассматриваемом аспекте вполне может быть условно названа «тюркской» – подобно тому, как предыдущие – «гунно-сарматской», «скифской» и «киммерийской». И в значительной мере это не условность: перечисленные выше элементы материальной и художественной культуры в каждый из этих периодов были единообразны на территории евразийских степей и примыкающих земель.

Попробуем описать «тюркский» комплекс, определяющий образ мужа-воина, не вдаваясь в генезис его элементов и структуры.

Начнем с прически. Мужчины собственно тюрков – народа-«будуна», непосредственно управляемого династией владык-каганов из «Синего» (КЕК – тюрк.-монг., АШЕНА – иранск.) рода, а также мужи подвластных им тюркоязычных народов носили длинные волосы, которые заплетали в косы. И только верховные правители (а в каждый отдельный момент таковым мог оказаться знатный муж любой высокого ранга) носили волосы распущенными. При этом уйгур отличали ровно подрезанные надо лбом челки и то, что с каждой стороны лица по одной косе свисало с висков перед ушами. Эту же прическу заимствовали воины Самаркандского Согда, точнее, Пенджикентского княжества. А вот венгры, заимствовав у западных огузов-огуров их общее самоназвание, точно переданное в древнерусском как «оугры», вместе с комплексом воина, голову брили, оставляя на макушке длинную прядь, которая могла раздваиваться или заплетаться в свешивающуюся на бок косу. Последняя прическа точно воспроизводила прическу тюркских и монгольских маль-

¹ Впервые опубликовано в: Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Том 1. Самара, 2001. С. 169-185.

чиков – «кукель». Не исключено, что таким образом отражалось положение венгров как «младших братьев» по отношению к народу, руководимому родом Ашена. Таким тюркским народом были хазары.

Что касается растительности на лице, то традиционным было ношение усов, концы которых носили опущенными вниз, торчащими к стороны параллельно земле или загнутыми вверх – без этнических различий. Бороды (если хорошо росли) носили клиновидной формы – опять-таки без этнических различий. И лишь на одном изваянии VIII в. из Монголии показана борода, заплетенная в косу (или, по мнению Д.Д. Васильева, оплетенная лентой), что напоминает обычай шахиншахов Сасанидского Ирана.

Удивительно единообразие основной верхней одежды евразийского мужа – распашного, с запахом кафтана с длинными сужающимися книзу рукавами и подолом на уровне колен – чуть выше или несколько ниже. От Китая до Кавказа не только изображения, но и находки реальных предметов свидетельствуют, что он имел приталенный силуэт с округло расширяющейся «юбкой» (на востоке это достигалось вырезным кроем, а на западе – отрезным) и характерные отвороты ворота – лацканы, подчеркнутые декором из кантов, подкладки из дорогих узорных тканей и иногда мехом. Специфический вид имели боевые согдийские кафтаны, надевавшиеся поверх кольчатых панцирей: они имели короткие, выше локтя, рукава и не имели запаха.

Поскольку из-за длины кафтана штаны были практически не видны, большую роль в облике евразийского мужа-воина играла обувь. И опять-таки на всем пространстве от Великой стены до Дуная она была едина: это были высокие сапоги без каблуков, с голенищами, имевшими боковые швы и достигавшими колен; верх голенищ выступал спереди углом вверх, иногда прикрывая колено. На востоке голенища довольно сильно расширялись кверху, и для того, чтобы они не сползали вниз, их прикрепляли к гашнику штанов тесемкой или ремешком. На западе же, начиная от Согды, голенища шились более узкими. Судя по венгерским (восточноевропейским и заяицким) изображениям на художественном металле и северокавказским находкам, боковые швы голенищ могли иногда фигурно вырезаться низкими стрельчатыми арками.

Ношение головных уборов было далеко не всегда обязательно для мужей-воинов Евразии. Самым простым и самым, судя по изображениям, почетным убором была лентообразная повязка-диадема – и у степняков, и у их оседлых соседей. Столь же почетен был только царский венец-корона. Основным убором тюркоязычных народов был пришедший из сако-кушанской культуры башлык с четко выделенными наушами и назатыльником, выкроенный из двух симметричных половин, со швом вдоль темени. У тюрков направленная слегка вперед округлая макушка башлыка могла приобретать слегка приостренную форму и надбровный вырез в виде двойной арки. Носили башлык опустив на уши и назатыльник, отогнув на уши назад и завязав поверх опущенного назатыльника, либо отгибали назатыльник вверх, а на уши назад, и, перекрестив их поверх изнанки назатыльника, соединяли тесемками надолбом. Последний способ превращал башлык в своеобразную корону; китайцы же, повторив крой и способ завязывания, но, заменив войлок и фетр на шелк, превратили этот тюркский убор в свой самый популярный головной убор «путоу». У тюрков же башлык имел много вариантов по форме и величине деталей. Другим важным типом головного убора тюркоязычных кочевников были колпаки из белого (реже – черного) войлока, скроенные из 2-х, чаще 4-х, реже – 6-8 клиньев. Макушка такого колпака могла в IX в. венчаться коническим металлическим навершием, богато украшенным. Третий тип округлая войлочная шапка, валяная на болванке. Околышем ей служили отворот поля или опушка, чаще меховая. Вариантом округлой шапки была шапка сшитая из двух симметричных половин, со швом вдоль темени, двойным надбровным вырезом спереди и отогнутыми вверх полями сзади и с боков. На западе пояса степей по изображениям и находкам фиксируется диадема и округлая шапка с меховым околышем. Макушка ее на западе могла быть и заостренной, как это явствует из находки венгерского серебряного конического навершия.

Наконец, важнейшим аксессуаром евразийского мужа-воина, его «погонами», его «красной книжкой», был пояс-португепя для клинков, чья металлическая гарнитура – ее материал, форма, количество и расположение элементов четко обозначала социальное положение владельца. К поясу прилагались сумка-кошель, ножик для еды, а на

востоке Евразии еще и своеобразное кресало-сумочка. Их декор соответствовал декору поясной гарнитуры. При том, что основные формы украшений пояса шли с востока на запад, причем стилистика их имела корни в искусстве Северного Китая и Восточного Туркестана, именно локальные различия и схождения металлической гарнитуры пояса позволяют – на фоне общих тенденций – наиболее точно и тонко использовать именно этот материал для конкретного историко-культурного анализа.

Для периода IX–X вв. в западной части евразийских степей и Урало-Каспия до Северного Причерноморья – в поясной гарнитуре господствовали два основных стилистических направления «салтовское» и «венгерское». Они постоянно взаимодействовали и могли механически смешиваться в одних комплексах. При этом в степи их слияния не происходило: даже в одном комплексе детали, украшенные в салтовском стиле отличаются от деталей венгерского стиля. Кстати, сам венгерский стиль легко разделяется на три течения: первое, пластическое, почти дословно повторяющее мотивы танско-степные, связанное с искусством Восточного Туркестана через посредство кимаков, притяньшаньских тюрок и, очень вероятно, западных татар; второе, графическое, в котором указанные выше мотивы, обогащенные, кроме того, и среднеазиатскими, были сильно переработаны в совершенно оригинальную систему; наконец, третье течение, характеризующее изображениями животных, режущих людей, в развитых образцах восходящих к восточно-туркестанским образцам и окруженных рамками из «перлов», перемежающихся «зернами злаков».

Не менее, чем одежда, образ мужа-воина формировал его боевые костюм и аксессуары – то есть, доспех и наступательное оружие.

Основными типами панциря от Кореи до Паннонии во второй половине I тыс. были ламеллярный и кольчатый. При этом на востоке абсолютно преобладал ламеллярный доспех; на западе – от Согды до Паннонии – он соревновался в популярности или сочетался с кольчужой. Сочетание это имело два основных варианта: согдийский, когда под длиннополый, но не имеющий плечевой части ламеллярный панцирь, поддевалась кольчужная пелерина с длинными рукавами; хазарский, когда поверх длинной, с рукавами до локтей, кольчуги надевался ламеллярный

корсет-кираса. Хазарский панцирь отличался особым совершенством: во-первых, он мог иметь кованые оплечья; во-вторых, пластины в нем могли соединяться не только ламеллярно, то есть посредством тесемок или ремешков, продернутых сквозь отверстия, но и при помощи заклепок, соединявших пластины не наглухо, а с «люфтом», сохраняя подвижность бронирования при резком усилении его прочности. Подобный способ требовал исключительного мастерства, и за нею историю доспеха был доступен, кроме хазарских, лишь римским и западноевропейским (XV–XVII вв.) панцирникам. Венгры, судя по изображению на серебряном блюде из с. Мужы (ГЭ) и находкам у г. Манвеловка под Днепропетровском, применяли обе традиции совмещения кольчуги с ламеллярным панцирем.

Шлемы единой сфероконической формы, господствовавшей от Кореи до Паннонии, имели и целый ряд общих признаков. Они нередко склепывались из сегментов, края которых фигурно вырезались; спереди помещалась налобная пластина с наносником и (или) надбровным вырезом в виде двойной арки; иногда на передней части над краем помещали две-три пластинки-зубца. Бармица, от Центральной Азии до Паннонии уже чаще всего кольчужная, была полузакрытой, открывая только лицо, либо глухой, оставляя открытыми лишь глаза. Специфика некоторых венгерских шлемов состояла в их яйцевидной форме.

Популярные в Восточной, Центральной и Средней Азии в среде земледельческой военной знати наручи и поножи, сделанные из двух цельнокованных створок или набранные из узких полос металла, на западе пояса степей зафиксированы только у хазар IX–X вв.

Круглые деревянные, обтянутые кожей щиты – с умбонами и без них, часто распиленные или просто черные, характерны для всей территории от Восточного Туркестана до Дуная.

Что касается основного оружия степняков – лука, то при полном его типологическом и формальном сходстве – сложносоставные (или сложные) рефлексивные, здесь наблюдаются серьезные локальные различия, связанные с этнической традицией. Так, А.М. Савин и А.И. Семенов показали стойкие предпочтения разных этносов Восточной Европы, отдаваемые разным породам деревьев при изготовлении кибити лука.

То же касается и футляров для стрел (колчанов) и луков (налучей), носимых на специальном поясе-портупее, который застегивался при помощи крючка. При общем типологическом сходстве явственно выступают различия в деталях. Например, венгерские отличаются богатейшим декором из металлических бляшек-накладок на налучах и кожаных языках, прикрывающих наконечники стрел в устье колчана. Вместе с тем, во всех восточноевропейских степях распространяются бляхи в форме пары распростертых крыльев с петлей для крепления к портупее налуча нового типа – в виде половины лука с надетой тетивой. Как раз в IX в. этот тип появляется и сосуществует со старой формой налуча в виде чулка (в таком налуче лук хранился со снятой тетивой), полностью вытесняя старую форму к XI в.

Клинковое оружие – носившиеся в одностильно оформленной паре длинный (меч, палаш, сабля) и короткий (нож, кинжал) клинки (эта традиция, развитая в V–VIII вв., с IX по XI вв. постепенно сходит на нет), и прикреплявшиеся к главному поясу-портупее, который застегивался на рамочную, с иглой, пряжку, в VIII–X вв. переживает серьезные изменения. Если в начале этого периода среди длинных клинков преобладали прямые, чаще палаши с одним полностью, а другим частично, от острого конца заточенными лезвиями и нередко отогнутой в сторону лезвия рукоятью, реже – обоюдоострые мечи с довольно узкими клинками, то в IX в. аварское изобретение – сабля характеризуемая изогнутым однолезвийным клинком, все активнее завоевывает позиции к востоку от Дуная, достигая Восточного Туркестана и Южной Сибири. В качестве коротких клинков преобладают крупные боевые ножи. Лишь изредка применяются кинжалы – оружие с прямым обоюдоострым клинком. Специфически хазарскими являются парные ножи, носившиеся в одних ножнах с двумя отделениями. Не исключено, что их применяли и для метания.

Формы клинковой фурнитуры вполне единообразны на всем пространстве от Китая до Паннонии. Лишь тонкие различия в декоре являются этнокультурным индикатором.

То же можно сказать и о древковом оружии – боевых топорах и копьях. Хазарской особенностью является широкое применение кистеней. Характернейшая деталь плетей – наверхие рукояти в виде птичьей

головы, бытовавшее практически во всей Евразии от Дуная до Китайской стены в IX–XIII вв., было, скорее всего, венгерским новшеством IX в.

Рассматривая элементы, формирующие образ мужа-воина на территории центра и юга Восточной Европы IX–X вв., можно сказать, что они вполне вписываются в единый культурный контекст степных тюркоязычных сообществ и близких к ним по культуре соседей. При этом салтовская культура имеет ряд специфических сходений с культурой тюркизованного Согда (боевые кафтаны с короткими рукавами, формы шлемов, конские начальники).

До последних лет в науке утверждалось, что описанная культура лишь отдельными элементами или даже экземплярами проникала в вещный мир знатных мужей центральной области Восточной Европы – Среднего Поднепровья. Но даже и в такой форме мысли о южном влиянии пробивались со многими усилиями в течение долгих лет, преодолевая тотальный автохтонизм, господствовавший в отечественной науке. Лишь постепенно утверждалось понимание того, что поясная гарнитура, «золотые шлемы» и декор ритуальных турьих рогов из больших черниговских курганов, ряд находок из ранних киевских погребений высшей знати как-то связаны с культурой степей юга. Та же ситуация сложилась в науке и в связи с северными скандинавскими культурными феноменами, чье активное и обильное бытование в IX–XI вв. в Среднем Поднепровье зафиксировано всеми видами источников. Более того, можно смело утверждать, что «антинорманизм» рухнул под напором наконец-то непредвзято толкуемых объективных данных. Самая свежая – и первая полная за 100 (!) лет – публикация материалов из Гнездовского могильника, добытых в 1874–1901 гг., буквально вопиет о ярко выраженном скандинавском облике культуры общества, оставившего Гнездовские курганы. Но нисколько не тише звучит в этих материалах и степная, южная тема: художественный металл, в основном поясная гарнитура, но также и шлем салтовского, венгерского и «венгероидного» облика присутствует там в не меньших количествах. Причем и скандинавские, и степные вещи встречаются не только в разных курганах, но часто имеется в одном захоронении, почти всегда мужском. То есть в Гнездове мы видим картину, аналогичную Черниговской и, добавим, киев-

ской. В Гнездове же были найдены остатки распашного кафтана с подвесными пуговицами-шариками и петлицами и плиссированных шаровар. Арабские авторы, описывая одежду русов (что полностью подтверждается и изображениями), сообщают об их широких штанах, носившихся навывпуск либо со штанинами, туго обмотанными им голени, и кафтанах, таких же, как у хазар и венгров, но более коротких (скорее всего, именно вследствие ширины штанов, буфом раздувавшихся ниже пояса). Костюм этот дополнялся остроконечной шапкой, опушенной лисьими хвостами, наборным поясом-португеей с кошельком, ножом и мечом, сапогами или высокими башмаками и шалью—«кисой», переброшенной через плечо и заколотой при помощи дорогой украшенной фибулы на правом плече или боку.

В описанном комплексе скандинавскими были штаны, башмаки, «киса», меч и набор специфически скандинавских ювелирных украшений и амулетов. Кафтан, наборный пояс с сумкой и шапка были определенно заимствованными у кабар и венгров. Я полагаю, что «венгероидный» стиль огромного числа поясных бляшек, находимых во всей Восточной Европе, в Скандинавии, Среднем и Нижнем Подунавье, был разработан в ремесленных центрах, где вместе жили заказчики этой продукции. Кстати, формочка из местного шифера для отливки бляшек именно указанного стиля была раскопана ни киевском Подоле в слоях сер. X в.

Если физическое присутствие скандинавов в качестве социальной верхушки среднеднепровского общества, в последние годы наконец признано наукой, то вопрос о том же в отношении степняков стоит в остро дискуссионной форме. А ведь именно с решением данного вопроса связана и разгадка «странных» культурных феноменов, отмеченных в начале. Рассмотрим их внимательнее.

«Сабля Карла Великого» сочетает в себе салтовско-венгерскую форму, чисто венгерский узор навершия рукояти и нижней части ножен. Но на обоймицах ножен и кончиках перекрестия венгерские побег образуют переплетения отнюдь не венгерские, а совершенно в скандинавском стиле Борре второй половины IX – первой половины X вв. Наведенные на клинке золотом драконы-гиппокампы, восходящие к тюркским и иранским образцам, мы встречаем и на хазарской

резной кости из Шиловского погребения, и на венгерском серебре. Сделанная чуть ли не в той же мастерской «львиная» сабля из Колосовки 1 (на ее клинке те же золотом наведенные драконы) сочетает салтовскую форму и кимакские принципы построения декора, но вот составляющие декор фигуры львов выполнены опять-таки в скандинавском стиле Борре. Один из палашей, распаннй в Колосовке 1, имеет при общей салтовской форме навершия рукояти и украшение конца ножен совершенно венгерское по декору, перекрестие – с аланским орлом, а округлые оковки выступов обоймиц можно легко спутать с круглыми фибулами стиля Борре с головками коней на концах. На хранящемся в музее в Дебрецене украшенном серебром шлеме, найденном у Немии, в Закарпатье, на лобной части выгравирован типичный венгерский орнамент, тогда как на венчике выгравирована типичная скандинавская плетенка. Наконец, обращаясь к рогам из Черной могилы, мы видим, что узор малого рога имеет чисто венгерский характер, тогда как в декоре большого рога салтовские элементы сочетаются с венгерскими, при том, что сам ритуал с рогами совершенно скандинавско-балтийский. О поясной гарнитуре мы говорили выше.

До сих пор не было выдвинуто ни одной приемлемой гипотезы, которая могла бы объяснить эти феномены. Даже В.Я. Петрухин, очень близко подошедший к разгадке, как будто испугавшись ее, невнятно предположил, что венгры и хазары могли занимать высокое положение в правящем слое складывающегося Древнерусского государства и силу наследия некоей традиции хазарского господства над Средним Поднепровьем. Более категоричны Г. Вернадский и О. Прицак. Г. Вернадский утверждал, что венгры просто властвовали над территориями Подонья и Нижнего и Среднего Приднепровья (с Киевом в качестве столицы). О. Прицак же в качестве лучшего доказательства своей теории основания и раннего существования Киева в качестве колонии Хазарского каганата привел найденное в генизе – хранилище ненужных текстов старой каирской синагоги сенсационное письмо киевских иудеев, датированное не позднее первой половины X в., которое он издал вместе с гебраистом Н. Голбом. Эту «подрывную» публикацию отечественная наука вынуждена была долго и тщательно игнорировать. Зато околонучной публицистикой (Л. Гумилев, В. Кожин)

она была охотно воспринята и интерпретирована в качестве доказательства хазарского ига над Русью, самого страшного из возможных ввиду иудейства хазар.

Вместе с тем, древняя топонимика Киева действительно пронизана хазаро-магьярским духом, как это зафиксировано в «Повести временных лет», в трактате византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», наконец, в киевской топонимической и фольклорной традиции, дожившей до наших дней.

О венграх говорит название реки Лыбедь, топонимы Угорский яр, Угорская гора. Сюда же можно отнести и «Олмин двор». И хотя Олма в ПВЛ может передавать как венгерское имя Альмош, так и исходное для него тюркско-огурское имя Алмуш (Алмыш), все же помещение этой усадьбы на Угорской горе, а не на территории, связанной с хазарскими топонимами, склоняет к его венгерской принадлежности.

Еще более яркие хазарские тюркские и иудаистские топонимы. К ним относятся и урочище Козаре, и место Пасынча беседа, означающее, как безупречно показал О. Прицак, беседку, где происходил акт «басинч» – по-тюркски «нажимать», «надавливать», то есть печати-тамги: короче – легкая постройка таможни. Наиболее же яркими являются топонимы, связанные с цитаделью Киева. Согласно императору Константину, она называлась Самватас. Но Самватас – это греческая огласовка тюркского Шамбат, передающего еврейское слово Шаббат – то есть «суббота», сакральный для иудаистов день. Крепость Шаббат стояла на горе Хоривица. Название это передает имя горы Хорив – отрога Синайского хребта, где пророк Моисей разговаривал с Богом. Имя это не связано с позднейшей христианской традицией, так как на православной Руси знали только гору Синай. Второе название этой киевской горы – Лысая. Это могло быть калькой древнееврейского «Голгофа», что означает «лоб», «череп», «голая голова». А под горой этой растекается Иорданское озеро, образованное рекой Глубочицей. В киевской фольклорной традиции Лысая гора считалась местом проведения шабашей – так иноверцы обзывали празднование иудейской субботы. Из более поздних мусульманских источников (Рашид ад-Дин, «Джами ат-таварих»; летописцы походов Тамерлана) известно и тюркское название Киева – Манкерц или Манкермен, что по-тюркски

означает «главная крепость». Таким образом, цитадель Киева имела двойное название – священное иудейское и светское тюркское. Такое название могла иметь только хазарская крепость.

Здесь я изложу в расширенной форме положения, впервые высказанные мной в докладе на конференции «Славяне и их соседи: славяне и кочевники», проводившейся в ИСИБ РАН в 1998 г. Как представляется, цитадель Киева – Шамбат-Манкерц – возникла как крепость для хазарского гарнизона во главе с наместником. Понадобилась же она хазарам вот зачем. Я полагаю, что восточноевропейские кочевники отнюдь не нуждались в продукции хозяйства земледельцев лесостепной полосы. Все продукты они вырабатывали сами, включая зерно (просо), которое они сеяли весной на своих родовых территориях и, совершив летний полукруг кочевки, сжинали урожай, о чем говорят находки серпов в хазарских погребениях (что дало в свое время «повод» Б.А. Рыбакову причислить их к «древно-стиям русов»). Кстати, этот сельскохозяйственный процесс кочевников был зафиксирован в южнорусских степях в XV в. у татар.

Зато кочевой верхушке необходимы были предметы «престижного потребления», вырабатывавшиеся городскими цивилизациями юга: лучшее оружие, дорогие ткани, ювелирные изделия, металлическая и стеклянная посуда, вина, сухофрукты, орехи, лекарства, парфюмерия. Но собственная продукция номадов не привлекала поставщиков этих товаров – мусульман и византийцев. Зато им были нужны продукты лесных промыслов насельников лесно-таежной и тундровой зон Восточной Европы – меха, воск, мед, лекарственное сырье, моржовые клыки. И, конечно, рабы. Чтобы не вести с обладателями этих богатств бесконечные войны, не тратить кровь, но не тратить и деньги и иные ценности на их покупку, кочевым владыкам выгодней было, продемонстрировав военное превосходство, обложить обитателей лесной зоны данью. А для бесперебойной реализации этой дани надо было иметь систему ее «перекачки»: центр сбора дани на границе леса и степи, удобный, полностью контролируемый путь доставки товара к портам южных морей, и сам такой порт, куда купцы с юга являлись бы со своими товарами за продуктами леса и тундры. Такими портами в конце Днепро-Донского пути были созданный хазарами Судак в Крыму

и захваченные на Боспоре Киммерийском Боспор и Гермонасса, ставшие городами-крепостями Керц и Самкерц–Тумантархан (Самкуш иудейский–арабск., Таматарха – греч., Тьмутаракань – русск.).

Пунктом же сбора лесных товаров должен был стать Киев. Интересно, что точно такая же система была установлена на той же территории за 1500 лет до хазар скифами; только в качестве южного порта они использовали Ольвию на Днепровском лимане, над которой им пришлось установить протекторат. Такая система была очень падежной, выгодной, удобной. Но вскоре после того, как хазары ее создали, она поломалась.

Потому что в 30-е гг. X в. в Хазарском каганате произошла гражданская война. Причиной ее послужили религиозно-административные реформы, проводившиеся под идейным руководством сбежавших от гонений в единовенную Хазарию иудейских клерикалов–раввинистов вторым (после кагана) лицом империи – каган-беком (шад – общетюркск., ихшид – согдийск., малик – арабск.). До этого каган и часть хазар, особенно знать, исповедовали иудаизм караистского толка, не признававший послехрамовой традиции. При нем духовная и светская власть могла быть воплощена в одном лице – персоне кагана, что соответствовало тюркской традиции. Новые же веяния требовали разделения власти, и поэтому высшую, почетную, сакральную власть получил, разумеется, каган, не касавшийся низменных земных дел, которыми обременил себя каган-бек. Разумеется, подобные новшества не могли не вызвать восстания «старобрядцев». Оно произошло, и было описано Константином Багрянородным. Он сообщил потомкам, что повстанцы, назвавшиеся кабарами (каварами – в греческой передаче), что по-тюркски может означать «партия», «сборище» (ср. Кубрат – собиратель), проиграли войну, и те, кто избежал гибели от правительственных войск, удалились на север, где в это время кочевали пришедшие из-за Яика венгры.

Венгры приняли славных хазарских воинов с семьями, принадлежавших к трем хазарским племенным объединениям, вместе с их аланскими и болгарскими клиентами. Названия этих объединений император не сообщает. Зато в этногеографическом еврейском трактате «Сефер Йосиппон», составленном в нача-

ле X в. в Южной Италии или Сицилии, при перечислении народов Северного Причерноморья–Прикаспия в двух ее рукописях происходит весьма показательная замена: тюркам еврейского оригинала соответствуют в арабоязычной рукописи – кабары. Следовательно, одной из трех составляющих кабарский союз были тюрки, входившие в собственный народ–будун хазарского кагана из Синеи династии.

Но тюрками пред лицом византийских властей называли себя венгры. Константину Багрянородному было известно и другое название венгров – савартой-асфалой. На самом деле здесь зафиксированы два племенных названия – саварта (множ. ч. от савар) и аскал=эскэл. Оба они принадлежали огурским племенам, входившим в болгарское и хазарское объединения. То есть в данном случае венгры присвоили себе славные кабарские этнонимы, как за триста лет до этого присвоили прозвание огур. Таким образом, в 30-е гг. IX в. огромная территория Хазарской империи к северу от Нижнего Подонья–Поднепровья стала Кабарией, точнее – Кабарией–Угрией. И воспринималась она недругом Хазарии. Именно для защиты торговых путей и пограничных земель от такого соседа на Нижнем Дону, напротив разрушенного замка, принадлежавшего беку или тархану, ставшего повстанцем–кабаром, и была построена под руководством византийского архитектора Петроны Каматира мощная крепость Саркел.

Венгры же, отделив кабар от хазар, не стали врагами Хазарии, используя в своих интересах славу и силу повстанцев.

Но вернемся в Киев. Древняя киевская топонимия хранит и политоним кабар – в топониме Копырев Конец – Кабарская улица, район. Но еще ярче свидетельствует о киевских кабарах письмо из каирской генизы. В нем в числе подписавших его наиболее уважаемых членов иудейской общины значатся Иуда Саварт и GSTT бар Къабар коген. Если нельзя с определенностью сказать, из каких савар происходил Иуда – кабарских или имперских хазарских, то второй подписант – его имя можно трактовать и как тюркское Гостун или Гост, и как славянское Гостята, и как скандинавское Гост – был сыном человека, чье поименование можно считать знаменательным. О. Прицак полагает, что словосочетанием Къабар коген обозначен коген (то

есть потомок высших иудейских священников-ааронидов) с социофорным именем Къабар, означающим высшую тюркскую знать. Но нееврей не мог быть ааронидом – это передается только генетически – так что Н. Голбу пришлось изобретать фантастическую теорию для объяснения такого казуса. Но если мы вспомним, что термин «коген» означает также и «духовный глава иудаистской религиозной общины», а также истинное значение слова «къабар»=кабар, то становится ясно, что къабар коген – это духовный глава религиозной общины кабар – «старообрядцев». Ведь понятно, что хазарский гарнизон Киева, его крепости Шамбат-Манкерц после кабарского восстания оказался отрезанным от империи и не подвергся раввинистским нововведениям, оставшись в лоне караизма. Более того, он еще и усилился за счет кабар, покинувших империю, в число коих входили хазары трех племен с их аланскими, болгарскими и славянскими клиентами – иудаисты, христиане, мусульмане и язычники по вероисповеданию. Тут же поселилось и немалое число венгров.

Власть Кабарии–Угрии охватывала, вероятно, огромные территории от нижнего Подонья–Поднепровья до верхнего Поднепровья. Дани с подвластных, в основном славянских, племен были распределены между всеми правящими племенами. При этом каждое из семи венгерских племен было самостоятельным, а кабары трех племен управлялись (согласно императору Константину) единым правителем. Кабары как наследники древней имперской традиции тщательно собирали в уставные сроки необременительную дань со своих славянских подданных, тогда как венгры, по сообщениям арабских источников, кроме сбора дани еще и грабили, и полонили своих подвластных славян, продавая их грекам в обмен на ткани, ковры и вино.

Но выход к черноморским рынкам, ради чего и затевался весь хазарский проект с Киевом, оказался для кабар закрыт. Экономическая блокада кабарского Среднего Поднепровья имперскими хазарами лишала его и потоков монетного металла. Совместные с венграми походы на запад – в Центральную Европу давали, конечно, добычу, но риск и нестабильность этих предприятий не шли ни в какое сравнение по выгоды с задуманной системой выкачивания и реализации дани. Поэтому, когда около 860 г. хёвдинги Хаскьольд и Тюр из окружения

ютландского конунга Рёрика, нового правителя вика Альдейгьюборг и большей части севера Восточной Европы, но пути в Миклагард–Константинополь достигли Киева, то здесь их встретили кабары как посланцев удачи. Именно викингская флотилия – русь только и могла прорвать хазарскую блокаду и на Боспоре Киммерийском, и на Итиле и выйти к византийским, а также мусульманским богатствам, провезя на юг товары Среднего Поднепровья, накопленные кабарями. А в Киеве викинги–русы получали прекрасную базу – на полпути из Ладоги – для зимовки, пополнения запасов еды, товаров, оружия, ремонта и постройки судов. И пусть первый набег Аскольда и Дира вскоре после 860 г. на Константинополь был не совсем удачен – покров Богородицы спас сам Город от русов – добыча из его разграбленных викингами предместий удовлетворила и русов, и кабар.

Таким образом, на Среднем Днепре сложился симбиоз степных и скандинавской культур, просуществовавший до конца IX – начала X вв., когда венгры с кабарями, увлекая за собой часть осевших в Поднепровье викингов–русов, новоприбывших скандинавов, алан, болгар и даже печенегов, ушли – большей частью через регион Киева – на новую родину в Паннонию. За это время вполне успела выработаться традиция совмещения в одном комплексе, определяющем облик мужа-воина, и даже в отдельных элементах комплекса форм и мотивов декора из столь разных художественных систем. А в такой отрасли художественной промышленности, как создание металлической поясной гарнитуры, начал выработываться единый стиль на базе в основном венгерских образцов, сравнительно упрощенных, который я условно назвал «венгероидным». Вот в такой культурной среде появление рассмотренных выше «странных» предметов представляется явлением не только странным, но и совершенно закономерным особенно для верхушечного слоя этого многоязыкого общества.

Но стиль жизни, выработанный в этой среде, не умирал и в течение IX – начала XI вв. Мы видим его процветание в этот период в Южной Руси – наследнице Кабарии–Угрии. Несомненно, это связано не только с традицией предыдущего столетия. Сохранение этого стиля и даже развитие его в прежнем русле базировалось в не меньшей степени и на физическом присутствии его носителей –

кабар и особенно венгров, которые не только были мастерами – изготовителями предметов престижного быта мужа-воина, но и оставались в определенной мере и потребителями этой продукции – в составе княжеского окружения, прежде всего дружины, а также купеческой и городской верхушки. Иначе не объяснить тот факт, что развитие единого венгерского стиля шло совершенно синхронно и в Великой – Заволжской, и в Дунайской Венгрии, несмотря на то, что между ними простиралась огромная Русь со скандинавскими правителями, дружинниками, купцами, очень любившими свои скандинавские традиции, художественный стиль, воплощенный и в привезенных из Скандинавии вещах, и в изделиях местных мастеров-скандинавов.

Представляется несомненным, что оставшиеся не в таком уж малом числе кабары и венгры еще долго занимали высокие посты в окружении русских конунгов-каганов, воспринявших многие элементы облика степного мужа-воина – шлемы, наборные пояса, металлическую фурнитуру и покрой кафтанов и шапок. И если знаменитые франкские мечи с дамаскированными клинками русы ценили превыше всего, в отличие от степняков, которые ими практически не пользовались, то роскошные кабарские и венгерские палаши и сабли, в салтовско-венгерский декор которых вплелись мотивы скандинавского стиля Борре,

носили не только знатные кабары и венгры, но и скандинавы-русы, вкладывая их подчас в ножны со скандинавскими мечевыми бутеролями. Интересно при этом, что степняки, «заразив» скандинавских мужей (но отнюдь не их консервативных женщин) «Русьской земли» своими культурными традициями, не восприняли никаких специфически скандинавских элементов материально-художественной культуры. Лишь на самом последнем этапе развития этого культурного симбиоза можно заметить редкие признаки обратного воздействия.

А в середине X в. самый «степной» из конунгов-русов – великий киевский князь-каган Святослав-Сфендислейв, сын Ингверри и Хельги, сочетал в своем облике северо- и восточноевропейскую одежду, степную традицию ношения серьги салтовского типа и венгерскую (или венгеро-кабарскую?) прическу, когда бритая голова венчалась длинным чубом, разделенным на две пряди, спускавшиеся на виски. И еще в начале XI в. сын кагана Владимира-Вальдмара и «болгарыни» с болгарским именем Борис-Барыс имел в качестве ближайшего и самого высокопоставленного придворного – судя по тому, что он носил золотую гривну – «угрина» Георгия. Конечно же, сей угрин был вовсе не пришельцем из-за Карпат или Волги, а потомком местного знатного рода – элиты Кабарии-Угрии.

ЛИТЕРАТУРА

- Лев Диакон.* История. Перевод М.М. Копыленко, комментарии М.Я. Сюзюмова, С.А. Иванова. М.: Наука, 1988. 244 с.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст, пе/н комментарии. Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М.: Наука, 1989. 498 с.
- Повесть временных лет (ПВЛ). Перевод Д.С.Лихачева. СПб.: Наука, 1997.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. Под редакцией Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 1999. 608 с.
- Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.: Наука, 1971. 355 с.
- Артамонов М.И.* История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 523 с.
- Археология Венгрии. М.: Наука, 1986. 348 с.
- Вашари И.* О рунических системах письма Восточной Европы // *Altaica*. II. М.: ИВ РАН, 1998. С.37-64.
- Вернадский Г.В.* История России. Древняя Русь. Тверь: Леан, М.: Аграф, 1996, 542 с.
- Викинги и славяне. Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях: Сб. / Под ред. Андерса Хедмана, А. Н. Кирпичникова. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1998. 96 с.
- Гнездовский могильник. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). Часть 1. М.: Изд-во ГИМ, 1999. 156 с.

- Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. М., Иерусалим: Гешарим, 1997. 239 с.
- Горелик М.В.* Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих территорий в I тысячелетии н.э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. С. 149-179.
- Гупало К.Н., Ивакин Г.Ю.* О ремесленном производстве на киевском Подоле // СА. 1980. № 2. С.203-219.
- Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М.: Аспект-Пресс, 1998. 399 с.
- Даркевич В.П.* Художественный метал Востока VIII–XIII вв. М.: Наука, 1976. 199 с.
- Дитлер А.П.* Могильник в районе поселка Колосовка на реке Фарс // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Том II. Майкоп: Адыгейское кн. изд-во, 1961. С.127-189.
- Древнетюркский словарь.* Л.: Наука, 1969. 677 с.
- Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Том I. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 281 с.
- Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Том II. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 213 с.
- Иерусалимская А.А.* Кавказ на Шелковом пути. Каталог временной выставки. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1992. 72 с.
- Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Выпуск 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. / САИ. Вып. Е1-36. М.,–Л.: Наука, 1966. 176 с.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи Евразии. СПб.: Фарн, 1994. 166 с.
- Кузнецов В.А.* Аланские племена Северного Кавказа // МИА. № 106. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 134 с.
- Корзухина Г.Ф.* Из истории древнерусского оружия XI в. // СА. 1950. XIII. С.63-94.
- Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 286 с.
- Лобачева Н.П.* Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по данным стенописей) // Костюм народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1979. С.18-47.
- Мажитов Н.А.* Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 163 с.
- Маршак Б.И.* Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М.: Наука, 1971. 191 с.
- Мурашева В.В.* Реконструкция облика древнерусского наборного пояса X–XI вв. (По материалам «дружинных» курганов) // Труды ГИМ. 1997. Вып. 93. С.71-79.
- Назаренко А.В.* О «Русской марке» средневековой Венгрии // Восточная Европа в древности и средневековье. М.: Наука, 1978. С.302-306.
- Немет П.* Образование пограничной области Боржавы // Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972. С.206-220.
- Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 264 с.
- Орлов Р.С.* Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X–XI вв. // Культура и искусство средневекового города. М.: Наука, 1984. С.32-52.
- Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков Смоленск-Москва: Русич-Гнозис, 1995. 320 с.
- Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М.: Языки русской культуры, 1998. 323 с.
- Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. М., Иерусалим: Гешарим, 1999. 248 с.
- Путь из варяг в греки и из грек. Каталог выставки. М.: Изд-во ГИМ, 1996. 106 с.
- Распопова В.И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980. 138 с.
- Самашев З.* Граффити средневековых номадов // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Самара, 1996. С.259-269.

Станилов С. Антропоморфни езически изображения от IX–XI в. в България и проблемът със славянските божества // Проблемы славянской археологии. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Том 1. М.: ИА РАН, 1997. С.375-381.

Славяне и скандинавы. М.: Прогресс, 1986. 416 с.

Сокровища Приобья. СПб: «Формика». 1996. 228 с.

Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981. 304 с.

Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // СА. 1976. №2. С.158-178.

Эрдели И. Кабары (кавары) в Карпатском бассейне // СА. 1983. №4. С.174-181.

Kirpichnikov A. Der sogenannne Sabel Karls der Grossen // Gladius. 1972. Tomo X. p.69-80.

László Gy. A honfoglaló magyar nép élete. Budapest: Magyar Élet Kiadó, 1944. 120 S.

«Osenket fehozad». A Honfoglalo Magyarasag. Kialitasi Katalogus. Szerkesztette Fodor Istvan. Budapest, 1966. 450 S.

Zakharov A., Arendt W. Studius Levedica. Archaeologische Beitrag zur Geschichte des Altertums in IX Jh. // Archaeologia Hungarica. 1935. Vol. XVI. 78 S.

THE IMAGE OF THE MEN-WRARRIOR IN KABARIA-UGRIA-RUSSIA

M.V. Gorelik

Russia, Moscow, Institute of oriental studies RAN

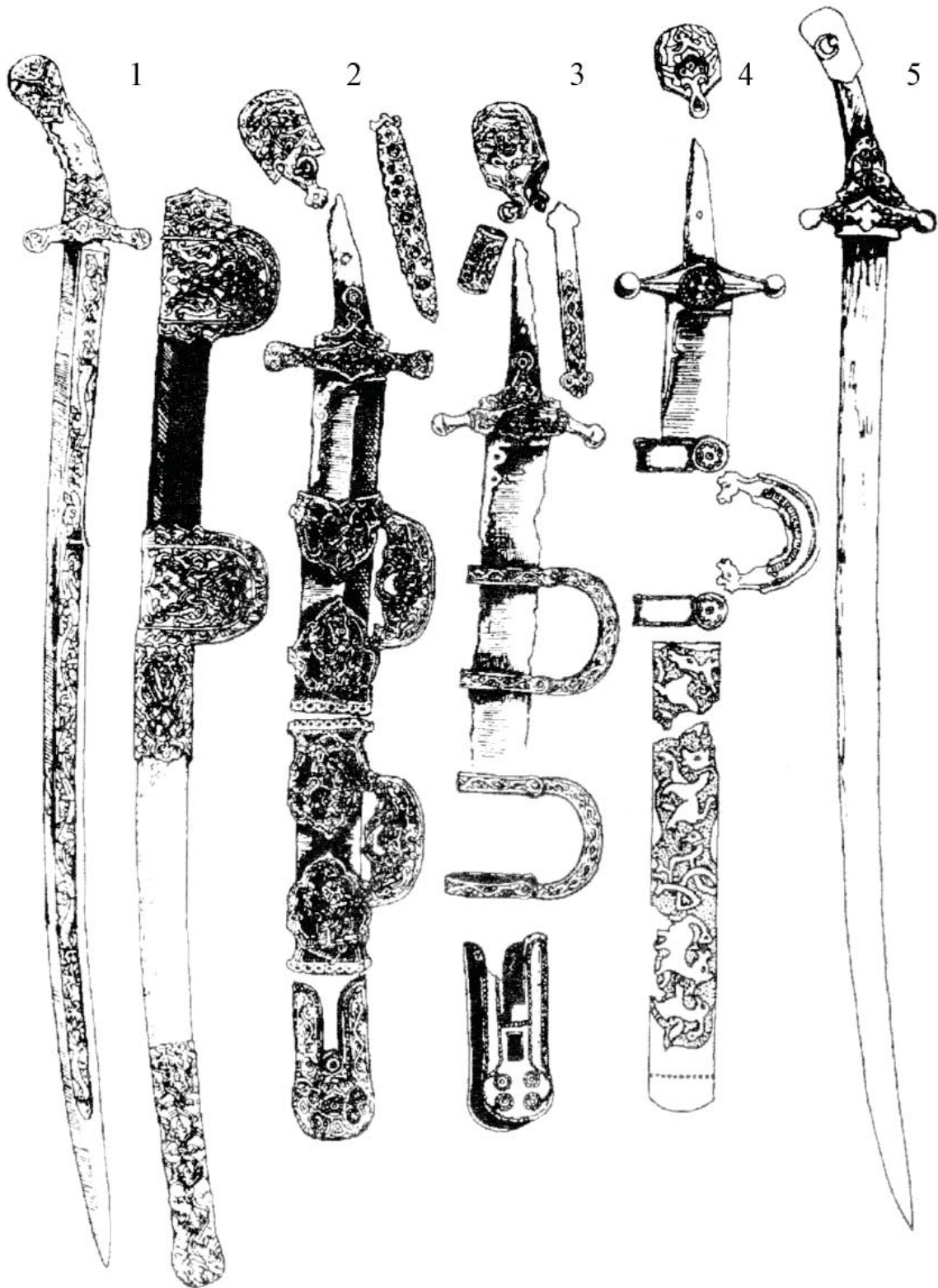

Рис. 1. Парадные кабарские сабли (1 – 3,5) и палаш (4) конца IX в.:
 1 – «сабля Карла Великова» (или Агтилы), художественно-исторический музей, Вена.
 2-4 - могильник Колосовка 1, Адыгея, Майкоп, краеведческий музей.
 5 – Гочево, Курская область.

Рис.2 Изображения кабарских воинов и оружие Кабарии – Угри – Руси:

- 1 – изображение на серебряной оковке рога из курана «Черная могила» в Чернигове, кабаро-венгерская работа рубежа IX – X в.;
- 2 – изображение на золотом кувшине из клада в Ндьсентмиклош, Трансильвания. Кабарская работа IX в.;
- 3 – топорик из Владимирской области или Поволжья. Кабарский топорик со скандинавским и волжско-булгарским декором X в.;
- 4 – рукоять меча из погребения дружинника на Владимирской улице в Киеве. Навершие и перекрестие – скандинавская работа, серебряная оковка ручки - венгерская работа X в.;
- 5 – кабарский или венгерский сабельный клинок с наконечником ножен скандинавской работы X в. Из боярской или княжеской гробницы 1-ой половины XIв. в Киеве;
- 6 – сабельный клинок, украшенный медной полосой с узором, венгерской работы. Рубеж: IX – X в. Из гробницы 1-й пол. XIв. в Киеве;
- 7 – меч из с. Рощеватая, Алтавской губ., кон. X - XIвв. Рукоять скандинавской работы, на клинке – славянская надпись «Ковал (Ъ или Ъ)» и «Людот(или Ш)а»;

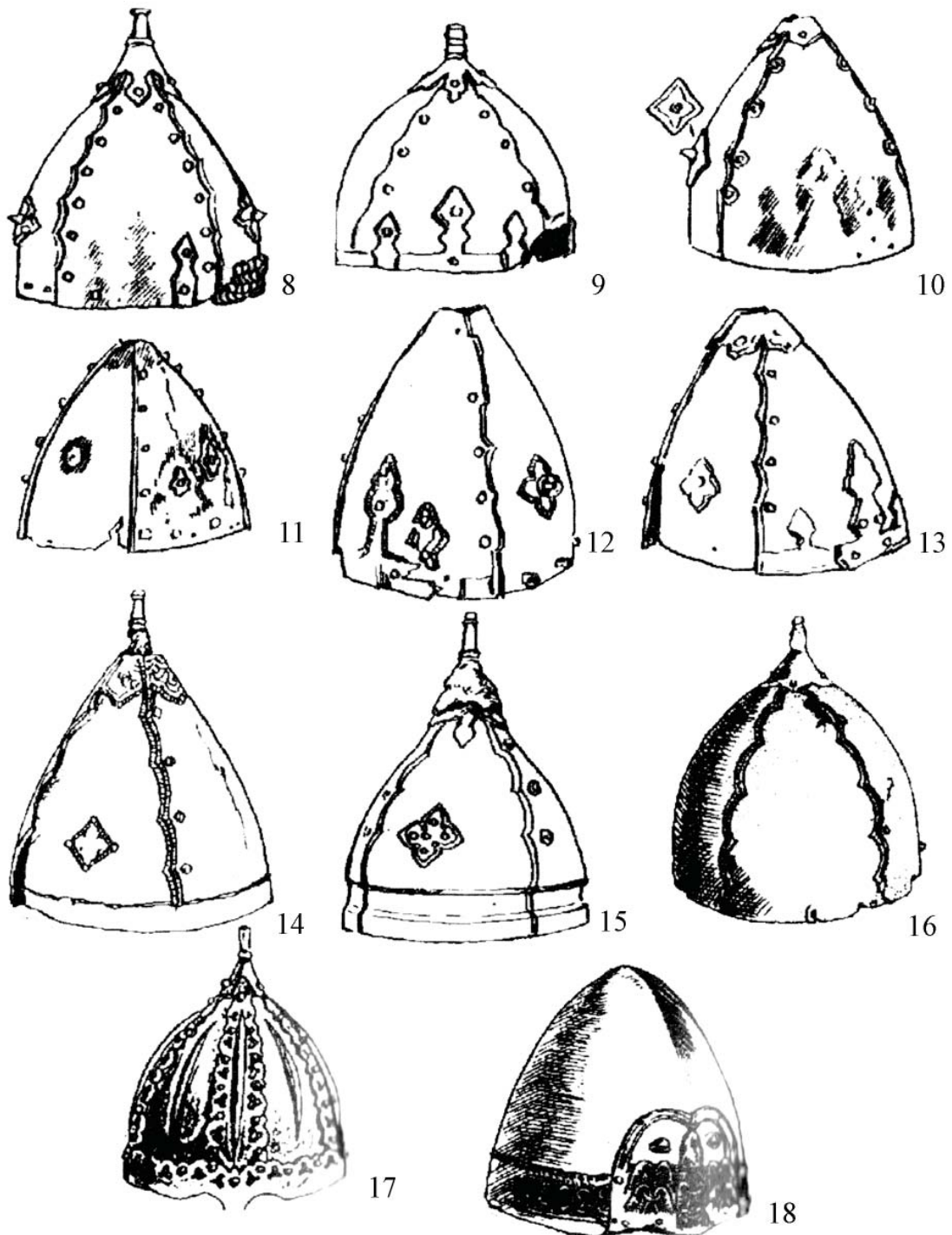

Рис.2 (продолжение). Изображения кабарских воинов и оружие Кабарии – Угри – Руси:

8-16 – «золотые» парадные шлемы кабарской работы кон. IX – 1-й пол. X в.;

8 – курган «Черная могила» в Чернигове;

9 – курган «Гульбище» в Чернигове;

10 – курган у с. Мокрое, Западная Украина;

11 – собрание Ливерпульского музея;

12 – Гост. Польша;

13 – Ольшувка, Польша;

14 – Глухов, Польша;

15 – Кенинсберг, Восточная Пруссия;

16 – Археологический музей в г. Печ. Венгрия;

17 – Гнездово, ок. г. СмоленскаЮ курган 41, 1882 г.;

18 – деревня Немия. Закарпатская Украина. Венгерский шлем со скандинавским узором каймы. 2-я пол. IX в.

Рис.3. Знатные воины Среднего Поднепровья кон. IX – 1-й пол. X вв. (реконструкция и рисунок М.В. Горелика):
 1 – кабарский воин; 2 – венгерский воин; 3 – воин-рус.